

АДАМ
РОБЕРТС

Зачем мы пугаем себя
концом света?

Адам Чарльз Робертс

Вот и всё. Зачем мы

пугаем себя концом света?

Серия «/sub»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68289191

А. Ч. Робертс. Вот и всё. Зачем мы пугаем себя концом света?:

Индивидуум; Москва; 2021

ISBN 978-5-6046119-9-9

Аннотация

Мир на краю пропасти: чума уносит жизни миллионов, солнце выжигает посевы, тут и там начинаются войны, а люди, кажется, лишились остатков разума. Вы готовы к концу света?

Нас готовят к нему на протяжении всей истории и все это уже было в книгах и фильмах, утверждает Адам Робертс – преподаватель литературы колледжа Роял Холлоуэй Лондонского университета, писатель, которого критики называют лучшим современным фантастом, и по совместительству историк жанра. «Вот и всё.» – это блестящий анализ наших представлений о гибели человечества, в которых отражаются состояние общества, психология индивида и масс, их заветные чаяния и страхи. Почему зомби – это мы? Что «Матрица» может сказать об эпидемиях? Кто был первым «последним человеком» на

Земле? Робертс чрезвычайно остроумно показывает, как друг на друга влияют научная фантастика и реальность, анализирует возможные сценарии Армагеддона и подбирает убедительные доводы в пользу того, что с ним стоит немного повременить.

Содержание

Предисловие главного редактора	6
Введение. Конец близок	22
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Адам Робертс

**Вот и всё. Зачем мы
пугаем себя концом света?**

Adam Roberts

It's the End of the World. But What Are We Really Afraid of?

© Adam Roberts 2020

© С. Афонин, В. Бойер, перевод, 2021

© ООО «Индивидуум Принт», 2021

* * *

Предисловие главного редактора

Конец марта 2020 года. Над входом на станцию «Сокольники» недавно восстановили барельеф, вернув ему (как утверждается) первоначальный вид. Не знаю, что там было 85 лет назад, но теперь это – вселяющая ужас пластилиновая поделка, эталонный образец «искусства новых темных веков», к которому обычно приводит неумелая реставрация. Головы героических метростроевцев оторваны от тел, конечности оплавлены, а кричащие рты настолько искажены, будто их проделали тычком пальца. Я ненадолго замираю напротив гротескных гомункулов, изучая их несуразное шествие. На лестнице репродуктор обдает меня предупреждением, что в городе распространяется опасный вирус и всем пассажирам необходимо «применять средства защиты». На платформе стоят люди в белых скафандрах и с оранжевыми чемоданчиками – таких я уже видел: неделю назад, в поликлинике. Тогда передо мной к врачу зашел мужчина средних лет и надолго застрял там, очередь не двигалась – двадцать человек покорно ждали перед дверью. Минут через пятнадцать подошли сотрудники больницы в химзащите и без промедлений вывели мужчину, отправили его с сопровождающим куда-то прочь, а затем вернулись в кабинет. Увлеченный зрелищем, я не заметил, что остался в коридоре один, остальных как ветром сдуло. Страх. И вот новая встреча,

уже в метро. Я думаю о том, как круто за месяц изменилась жизнь, захожу в открывшиеся двери вагона, шагая в полуметре от упакованного в белоснежный полиэстер человека. Он похож одновременно на ученого-ядерщика из Half-Life, еще не знающего, к чему приведет эксперимент, и на неудачливого медика – истребителя заразы из «Обители зла». Последнее время я часто ловлю себя на мысли, что где-то я все это уже видел.

* * *

Как и вы, впрочем. Сложно уберечься от апокалиптических образов, когда культура поливает ими нас с завидной регулярностью – попробуй увернись. Так, в 2010-х фильмов об упадке цивилизации или же ее стремительном разрушении вышло в 2,5 раза больше, чем за 1990-е¹, – и с книгами примерно то же самое. Апокалипсис и то, что будет после него, – давно уже самостоятельные жанры, и произведения внутри них могут быть какими угодно: тяжелыми, легкими, страшными, смешными или даже ностальгическими (раз мы до сих пор живы, то, значит, тридцать лет назад боялись чего-то несерьезного – не то что сейчас). Мы вольны выбирать картину конца света, наиболее подходящую нашим страхам

¹ См. дающий срез преимущественно американского и европейского кино, но достаточно репрезентативный список: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_apocalyptic_films. – *Прим. ред.*

или мечтам. Какую предпочитаете вы?

Одни считают, что рост углеводородных выбросов и разрушение озонового слоя приведут нас в безмолвную пустошь с каннибалами вроде описанной в «Дороге» (2006) Кормака Маккарти (люди с более взрывным темпераментом могут уповать на исход в духе последнего «Безумного Макса» (2016)). Другие уже сегодня живут в зомби-апокалипсисе с лишенными мозга кровожадными оппонентами, приближающими своей тупостью общую гибель. Третьи зачитываются пророчествами старцев о приходе Антихриста, трактуя QR-коды как его печать. Некоторые успешно совмещают. И все в каком-то смысле правы: вне зависимости от обстоятельств каждое движение секундной стрелки – еще один шаг к смерти, как нашей собственной, так и коллективной. Религия и литература помогают нам справляться с этой гнетущей мыслью и нормализовывать происходящее, придавать ему знакомый вид, а в конечном итоге рассчитывать на хеппи-энд. Все-таки по-настоящему беспросветные произведения – вроде той же «Дороги» – встречаются редко: нам хочется верить, что даже сквозь пепелище пробьется новая жизнь.

Конечно, мы не можем быть уверены в том, что именно убьет человечество: вирус, мегапожары, пробуждающаяся раз в 17 лет саранча, утечка в Даркнет инструкций по изготовлению атомных бомб в домашних условиях, извержение супервулкана, падение кометы или медленное угасание Солнца. При наличии воображения все звучит одинаково

опасно. Но точно не приходится сомневаться в том, что сценарий нашей гибели неизбежно упирается в развилку с ограниченным количеством дорожек. Перед вами книга о них.

* * *

Историк фантастического жанра, преподаватель британской литературы, большой любитель пошутить в твиттере и автор шестидесяти книг (как самодостаточных, так и пародийных – тут стоит отметить «Дракона с татуировкой девушки» хотя бы потому, что до такого додумается не каждый), англичанин Адам Робертс – идеальный кандидат для написания путеводителя по нашим мрачным представлениям о заключительной серии последнего сезона. Сам Робертс неоднократно заступал на эту безрадостную территорию. В его «Стене» (2001) человечество переживает не лучшие времена после неудачного эксперимента: гравитационное поле Земли изменилось, и большинство населения смело в космос, а для немногих выживших поверхность планеты стала непреодолимой преградой, буквально вдоль которой разворачиваются события тех самых «новых темных веков». «Снег» (2004) апеллирует к одному из сценариев экологической катастрофы, напоминающей пошедшую наперекосяк рождественскую сказку из рекламы кока-колы: планету заметает бесконечной снежной бурей, сугробы закрывают улицы, машины, мосты, телеграфные столбы; вскоре и

небоскребы тонут в удушающих ледяных объятиях. В «Обломке» («Splinter Thoughts», 2007), своеобразном парафразе «Гектора Сервадака» Жюль Верна, Земля раскалывается от удара кометы – одна из частей продолжает дрейфовать по Вселенной, каким-то чудом сохранив атмосферу и былую силу притяжения. Оставшиеся в живых не хотят признавать очевидного и продолжают верить в шарообразность небесного тела под своими ногами. В пояснительной записке на своем сайте Робертс так характеризует замысел книги: «Это метафора того, что миру может прийти конец, а мы можем даже не понять этого. Безусловно, мы не сможем не заметить этого совсем (в конце концов, это же апокалипсис!), но в то же время мы не сможем быть полностью в этом уверены. Это длинный переходный период, в течение которого к нам постепенно будет приходить осознание, что с нами произошло нечто непоправимое». Что ж, если в умышленно странном «Обломке» и есть что-то реалистическое – то только это предположение.

* * *

По Робертсу, сюжет о конце света – рабочая лошадка научной фантастики. При этом ее не стоит рассматривать как андеграунд «большой литературы», скорее наоборот. В интервью изданию *Factor Daily* Робертс на вопрос о непризнанности сай-фая пуристами от литературы заявил за себя и за

всех своих коллег «мы выигрываем эту войну» и был совершенно прав: в том или ином виде она присутствует в каждом втором современном мифе – их, впрочем, чаще называют франшизами.

Кроме того, научная фантастика подогревает тревогу об упущенных возможностях: после всех описаний изобретения эликсира бессмертия, позволяющего жить без скафандра в открытом космосе, наноаугментации, межгалактических путешествий через гудящие червоточины, да и всех прочих спейс-голубей, нестерпимо стыдно за лишенный всего этого 2021 год, с другой – как будто ждать осталось немного, нужно совсем еще немного протянуть.

* * *

Мысль о том, что конца света ждали уже не раз, странным образом успокаивает. Большинство таких сюжетов выходят из мифов дописьменных времен – представление об Армагеддоне религиозно *per se*, как справедливо указывает Робертс. Но если обратиться к характерному для научной фантастики первой половины XX века технооптимизму (и сегодня тоже встречающемуся – но больше в публичной риторике IT-корпораций), то и там мы увидим то же самое. Представление о «золотом веке» глубоко мифологично: бессмертие для каждого, полное искоренение насилия, стертые границы между особенностями абсолютно всех людей схожи с

верой в благодушных львов, что кормились травой в Эдеме. Собственно, наше неверие в лучший мир и содержит в себе упоение мыслью о том, что человечество получит сполна за свою глупость и бессердечность, — даже в прагматических разговорах о будущем окружающей среды нет-нет, да мелькает мистическое чувство вины за содеянное прошлыми поколениями. Ужасный конец или ужас без конца — исчезновение всей жизни на планете в одно мгновение кому-то может представляться вполне справедливым финалом.

* * *

Жизнь подражает искусству: вымышленные сюжеты формируют мир вокруг нас. Например, фильм «Враг государства» (1998), повествующий о конфликте сознательного гражданина с продвинутой системой слежения, способной выявить месторасположение любого человека на планете, равно как и содержание его разговоров, вдохновил DARPA, подрядчиков Министерства обороны США, на разработку аналогичной системы Gorgon Stare² (информация об успешных испытаниях датируется 2014 годом). О боевых роботах тех же DARPA вы уже наверняка слышали, как и многих других приметах недалекого будущего, ставшего нашим настоящим. Даже отец киберпанка, писатель Уильям Гибсон,

² С *англ.* — взгляд Горгоны. — *Прим. ред.*

жаловался на то, что ему пришлось переписывать последний роман «Агент влияния» (2020): никак не мог угнаться за происходящим в реальности³. И действительно: майнинг криптовалют с помощью биометрических данных, дроны-убийцы, самостоятельно выбирающие жертв, боевые роботы, перерабатывающие пищу в энергию, боты, публикующие написанные нейросетями комментарии в соцсетях, – насколько киберпанково это по десятибалльной шкале?

Литература, кино, музыка влияют на то, как мы говорим и думаем о дне X – и как мы его в конечном счете будем переживать. Неслучайно в нулевые в оборот вошло слово «doom-monger» – человек, предвкушающий праздник общей беды. Непрекращающийся шквал апокалиптических сценариев заставляет задуматься: не являемся ли мы все в той или иной степени doom-monger'ами? Или, быть может, во времена холодной войны мы настолько глубоко запустили фантазию о ярчайшей вспышке, за секунду обнуляющей все достижения цивилизации, что теперь будем передавать ее по наследству веками?

³ Leith S. William Gibson: 'I was losing a sense of how weird the real world was' // The Guardian. 2020. 11 января. URL: <https://www.theguardian.com/books/2020/jan/11/william-gibson-i-was-losing-a-sense-of-how-weird-the-real-world-was>. – *Прим. ред.*

Одно и то же навязчивое явление мы можем рассматривать и как предсказание, и как следствие невроза – циничный вариант оказывается куда более оптимистичным. Паруса романтизма надувает предчувствие неизбежной смерти – и горячее желание жить, покуда возможно. У какой-нибудь современной метал-группы вполне мог бы встретиться текст из анонимных «Лирических баллад»⁴, опубликованных в конце XVIII века:

Взгляну ли в море – вижу гниль
И отвращаю взгляд.
Смотрю на свой гниющий бриг
И вижу трупов ряд.
На небеса гляжу, но нет
Молитвы на устах.
Иссохло сердце, как в степи
Сожженный солнцем прах⁵.

Однако жизнь показывает, что и такой подход тоже не лишен определенного метафизического оптимизма. Упомянутый взгляд на небеса предполагает наличие веры, а она, в

⁴ На самом деле их написали Сэмюэль Тейлор Колридж и Джон Вудсворт, но они предпочли скрыть свои фамилии на момент публикации. – *Прим. ред.*

⁵ Перевод В. Левика. – *Прим. ред.*

свою очередь, возможность чуда, которое совершается вопреки всем законам, всем ожиданиям, всему опыту человека. Робертс точно подмечает, что конец света – это чудесное событие, поскольку в него, как правило, вшита возможность избежать катастрофы или хотя бы засвидетельствовать ее. Близость конца света провоцирует нас действовать подобно героям мифам – встреча один на один с Сатаной предполагает возможность диалога, схватки, сделки, чего угодно, что делает человека в этой ситуации субъектом, а не единичкой в списке жертв. Большинство сюжетов об апокалипсисе неисправимо романтичны – и, возможно, поэтому они так привлекательны.

* * *

«Вот и всё.» раскрывает преимущественно англосаксонскую историю жанра, упуская из виду то, что было написано и снято по теме в России и СССР. А здесь есть что вспомнить. В XVII–XIX веках конец света отображался в рамках дихотомии Бог/Дьявол – к образу пришествия Антихриста и наступающих перед этим последних времен обращались протопоп Аввакум и Федор Достоевский, Владимир Печерин и Дмитрий Мережковский, Валентин Свенцицкий и Андрей Белый, Леонид Андреев и Николай Клюев и т. д. Расцвет секулярной антиутопической и апокалиптической литературы пришелся на начало XX века. Объединение этих

нарративов под одной крышей неслучайно: если апокалипсис – это конец человечества, то антиутопия – это конец человечности, и выйти из нее, как правило, можно только через радикальный слом системы. Другими словами, большинство счастливых концовок в той или иной степени предполагают очищение через катастрофу – это мнение разделяет и Робертс, включивший в список апокалиптических произведений трилогию «Матрица».

Идеи из книг тех лет сильно опередили свое время. В «Гибели главного города» (1918) Ефима Зозули небо целиком отдают под рекламу, перекрывающую звезды, в его же «Живой мебели» (1919) бухгалтер, знаток нескольких языков, нанимается к олигарху служить ножкой кровати вместе с еще пятью людьми. В «Бриге „Ужас“» (1913) Антония Осендовского симбиотическая (полугриб-полуплесень) форма жизни, поднятая из глубин Земли, стремительно превращает все, с чем соприкоснется, в студень – и это за три года до дебюта Лавкрафта! Патриархальный мир победившей евгеники в «Вечере в 2117 году» (1906) апологета всеобщего воскрешения Николая Федорова сделал бы честь Маргарет Этвуд. «Под кометой. Высеченные на камне записки очевидца о гибели и разрушении Земли» (1910) С. Бельского (Симона Савченко) описывает последние дни цивилизации, открывшей холодный синтез, геоинжиниринг и глубокий анабиоз, позволяющий жить практически сколько угодно. Однако даже так люди не смогли разглядеть угрозу из космоса

– упавшая на Землю комета уничтожает все живое, кроме шести потерянных человек, вяло ругающихся на развалинах. Пьеса «Праздник Сатаны» революционера Александра Вермишева (1918) – антиутопия про мир победившего технокapитализма, где простым людям не остается ничего другого, кроме как продавать свое тело богачам, научившимся добывать из органов все необходимые для производства элементы. Отдельно стоит отметить, что для некоторых писателей их сочинения воплотились в жизнь: так, Ефим Зозуля погиб на фронте 3 ноября 1941 года в ситуации, схожей с описанной в «Гибели последнего города», а Николая Клюева, принявшего советскую власть за явление Антихриста, расстреляли в 1937-м.

За вольницей двадцатых годов, оставившей нам абсурдистскую мясорубку «Иприта» (1925) Всеволода Иванова и Виктора Шкловского, последовал поворот, предвосхищенный памфлетом Алексея Крученых «Апокалипсис в русской литературе» (1923):

Тема Апокалипсиса и Конца Мира не забыта и в наши дни. И если из России ее повышибли, то за границей наши апокалиптики еще мережковят, вопия, что в РСФСР появился Антихрист и «время близко» – будьте наготове; а в самой Европе Шпенглер запел о гибели «мира сего»: в современной Европе, дескать, только механическая культура – позитивизм и комфорт, а истинная культура – цивилизация – в

душах тоскующих избранных натур! (Что из механического может вырасти духовное – итого они, на радость прошлякам, знать не желают!) Всю эту высокопарную кислятину русская литература твердила уже 100 лет!

В тридцатые годы мрачные взгляды антиутопистов и doom-monger'ов оказались не очень угодны советским издательствам и театрам. До 1987 года пролежала завернутая цензурой пьеса «Адам и Ева» (1931) Михаила Булгакова, повествующая о супероружии – похожем на радиацию «солнечном газе», – уничтожившем население Ленинграда, да и, по всей видимости, планеты. На несколько десятилетий лейтмотив гибели человечества затихает в советской литературе, изредка проявляя себя на уровне агитации за разоружение капиталистических стран. Отдельные произведения датируются уже второй половиной века: «Улитка на склоне» (1966) и «Пикник на обочине» (1972) братьев Стругацких, «День свершений» (1986) Виктора Жилина. С кино тоже негусто: пока кинотеатры западных стран крутили картины о Чужих, Хищниках, зомби и прочей занимательной нечисти, советский зритель узнавал о ней в основном в пересказах. Если хоррором все-таки еще худо-бедно можно назвать полдюжины картин⁶ («Посредник», «Прикосновение», «Семья вур-

⁶ Как утверждает один из редких представителей советского хоррора Игорь Шевченко (автор великолепного и недавно отреставрированного «Часа оборотня» (1990)), помимо идеологических причин, развитию жанра мешала неравномерная перфорация советской киноплёнки – что в случае съёмок наложи-

далаков», «Господин оформитель», «Пьющие кровь»), то за апокалиптические мотивы в позднесоветском кино отвечают разве что «Записки мертвого человека» (1986) и «Посетитель музея» (1989) великого скорбца Константина Лопушанского, шестидесятнический манифест «Сталкер» Андрея Тарковского (1979), чрезмерно жизнелюбивая «Кин-Дза-Дза» (1986) Георгия Данелии, (с большой натяжкой) мистический «Посвященный» (1989) Олега Тепцова и отдельные ленты объединения некрореалистов. Особого упоминания стоит поразивший души многих позднесоветских школьников мультфильм «Будет ласковый дождь» (1984) Назима Туляходжаева – правда, он снят по мотивам одноименного произведения Рэя Брэдбери.

С распадом СССР фильмов о конце света стало больше, правда, упали оригинальность материала и качество его исполнения (что не всегда плохо – любители китча должны посмотреть «Монстров» (1993) Сергея Кучкова, где спекуляция на теме Чернобыля соединяется со спецэффектами уровня «Спокойной ночи, малыши»). Так, «Третья планета» (1991) Александра Рогожкина – это очевидный оммаж «Сталкеру», а «Дикий восток» Рашида Нугманова (1993) – «Безумному Максу». Рассказывать о более известных произведениях последующей эпохи вроде «Кысь» (2000) Татьяны Толстой и «Метро 2033» (2002) Дмитрия Глуховского вро-

ем не давало достоверной картинки: другими словами, в кадре все дрожало. –
Прим. ред.

де как-то и неловко — их до сих пор можно найти на полках книжных магазинов.

* * *

Каталоги, подсчет, категоризация невероятно успокаивают — это знает каждый коллекционер. Вот и перечень выше должен был немного сбавить градус тревоги этого не в меру взбудораженного предисловия. Подобные списки — это обещание самому себе, незыблемый план, не зависящий от обстоятельств и, в конечном счете, не требующий выполнения. Нам приятно само знание, что есть нечто выдающееся, что мы не читали или не смотрели, но что подпадает под наши интересы. Верно и обратное: плохое искусство воспринимается как символ упадка цивилизации — взять хотя бы тот убогий барельеф на станции «Сокольники». А покуда люди делают нечто прекрасное, в нас еще будет теплиться вера в силу человеческого духа и его изобретательность, которая, быть может, позволит всем спастись.

Раздражителей, связанных в нашей голове с образом конца света, в ближайшее время вряд ли станет меньше. Но из опыта предыдущих поколений, помышлявших конец света на своем веку, можно вынести немало ценных уроков, помогающих справиться с тревогой, не потеряв при этом бдительности. И прежде чем передать вас в заботливые руки профессора Робертса, приведу цитату из итальянской зомби-ко-

медии «Влюбленный гробовщик» (1994): «Tra morti viventi e vivi morenti, siamo tutti uguali». Что означает: разница между ожившими мертвецами и умирающими живыми невелика.

*Феликс Сандалов,
июль 2021 года*

Введение. Конец близок

Конец света всегда с нами. Вот уже тысячи лет, как цивилизации всего земного шара одержимы идеей неминуемого конца. Религиозные секты, как это у них заведено, утверждают, что вот еще чуть-чуть – и по велению Господа небо скрутится в свиток и нам хана. Атеисты ничем не лучше: если верить поп-культурным мифам, человечество постоянно находится под угрозой уничтожения либо в результате вторжения инопланетян, либо из-за восстания машин – в виде подлых программ или армии хромированных роботов. Прямо сейчас сквозь Вселенную к нам мчится астероид, на котором высечены наши имена. Ученые предупреждают о надвигающейся климатической катастрофе, и эти предсказания обретают конкретные черты в книгах и фильмах, становясь наводнением, голодом и очередным ледниковым периодом. Старые и новые инфекции выстроились в очередь, чтобы заразить нас. Я начал писать эту книгу еще до того, как коронавирус вынудил людей по всему миру сидеть дома, а заканчиваю ее уже в полной самоизоляции. Для всех нас эта пандемия стала чем-то пугающим и сюрреалистичным, но для меня особенно, потому что мне пришлось наблюдать, как сбываются мои предсказания о смертоносных эпидеми-

ях и глобальных катастрофах⁷.

Центральный вопрос этой книги – почему всех нас так захватывает идея конца света. Я решил написать ее, потому что меня самого давно заворожил этот образ. Вы наверняка понимаете, что я много думал о причинах подобного интереса. В этой книге свел все мои размышления воедино и теперь я гадаю, не связано ли мое отношение к апокалипсису с моей профессией. Дело в том, что я пишу научную фантастику. Любому писателю приходится профессионально разбираться в структуре повествования – а именно в зачинах, серединах и концовках. Последние много говорят о том, за чем история вообще началась и как она разворачивалась: так становится понятнее, что же в ней действительно важно. Конец света – это не просто конец истории, он напрямую (или, возможно, по чуть более извилистой траектории) связан с ее началом и серединой. Конечно, некоторые писатели уделяют больше внимания персонажам, их личному опыту жизни и смерти, но научные фантасты предпочитают переключаться с частных вопросов на проблемы межпланетного или даже галактического и вселенского масштабов.

Вероятно, здесь кроется объяснение того, почему истории о конце света так распространены в массовой культуре. Что о нас говорят они: от Апокалипсиса Иоанна Богослова до

⁷ Надеюсь, следующая моя книга будет о том, почему лысеющие писатели средних лет из графства Беркшир достойны миллионных гонораров и всеобщего почитания. – *Здесь и далее, если не указано иное, примечания автора.*

«Доктора Стрейнджлава», от «Машины времени» Герберта Уэллса до фильма «Человек Омега», от нашествий зомби и эпидемий инопланетных вирусов до гигантской голубой планеты, которая врзается в Землю в «Меланхолии» Ларса фон Триера? Из-за чего в 2012 году в СМИ разгорелась истерика, что календарь майя, высеченный на камне более пяти тысяч лет назад, заканчивается 21 декабря того же года? Сейчас этот дешевый апокалиптический ажиотаж выглядит глупо, но тогда он увеличивался по мере приближения заветной даты. Почему?

Думаю, дело не в том, что все мы меланхолики, пессимисты или мазохисты: в каком-то смысле интересоваться концом света совершенно естественно. В жизни много начал, но, как говорится в кинотрилогии «Матрица», «все, что имеет начало, имеет и конец». Все мы смертны, все мы умрем. Стремление человека экстраполировать собственную смертность на весь мир – один из способов объяснить очарование историй о конце света. Однажды весь мир погибнет – точно так же, как и каждый из нас.

Есть такое латинское выражение *timor mortis* – страх смерти. Мы думаем о конце света – строим гипотезы, пишем книги и снимаем фильмы, – чтобы осмыслить конечность собственной жизни. Кажется, человек – единственное животное, которое осознает свою смертность. Сейчас, читая это предложение, вы по-прежнему дышите и знаете, что однажды сделаете последний вздох. Смерть пугает, но она неиз-

бежна. По словам поэта и проповедника XVII века Джона Донна, «смерть равным образом приходит к каждому, и перед нею все становятся равны». Писатель и литературный критик XX века Г. К. Честертон писал об этом подробнее:

*Люди явно и несомненно равны в двух вещах. Они не равны ни умом, ни силой, ни весом, как тонко подметили нынешние мудрецы, отвергающие равенство. Однако все одинаково трагичны – вот первая истина. <...> Никакое страдание не наводит такого ужаса, как неизбежность смерти*⁸.

Честертон здесь обращается к идеям Вальтера Скотта – писателя, о котором не так часто вспоминали в XX веке, но чье имя вы наверняка слышали. Миллионы пассажиров ежегодно приезжают на станцию Уэверли в Эдинбурге, над которой возвышается его памятник и которая была названа в честь его первого романа⁹. В его произведениях Честертону нравилось осознание «мрачной основы» всего человечества – «темного достоинства человека»:

«Придумайте что-нибудь!» – говорит нищему сэру Артуру

⁸ Честертон Г. К. Чарльз Диккенс / Пер. Н. Трауберг. М.: Радуга, 1982. Глава X. – Прим. пер.

⁹ Кстати, эдинбургский футбольный клуб «Харт оф Мидлотиан» (или просто «Хартс») был назван в честь одного из лучших романов Вальтера Скотта «Эдинбургская темница» (буквальный перевод оригинального названия – «Сердце Мидлотиана»; 1818).

Вардур, когда их настигает прилив. — Я дам вам землю... Я обогащу вас». — «Наши богатства скоро сравняются», — отвечает нищий, глядя на катящийся вал.

Честертон проникательно выбирает тот момент из «Антиквара» Вальтера Скотта, от которого у меня мурашки бегут по коже. Возможно, мы стали жить богаче — или скорее раньше жили беднее, — с материальной или духовной точки зрения. Последнее даже вероятнее, и чем больше мы ощущаем, что потратили жизнь впустую, тем сильнее нам хочется зацепиться за нее. И здесь переход от смерти отдельного индивида к коллективной смертности становится простой экстраполяцией. Если может умереть один человек, то умереть может и целый народ. Если может закончиться одна жизнь, то может закончиться и весь мир. И поэтому мы строим теории.

Существует два основных подхода к изображению апокалипсиса. В первом случае конец света — это действительно финал: Элвис покинул здание, и на этот раз навсегда. К этой категории относятся гипотезы астрофизиков о том, какая судьба в конечном счете ожидает Вселенную, а также мрачные фантазии о неотвратимой гибели человечества — например, у Байрона или Герберта Уэллса.

Как ни странно, второй подход встречается гораздо чаще. В этом случае авторы, описывающие конец света, все же сохраняют жизнь горстке избранных, которые пережидает

ют глобальный катаклизм в безопасном месте или находят неожиданную лазейку, чтобы избежать общей участи, – а затем им удастся возродить цивилизацию. Например, в романе Нила Стивенсона «Семиевие» (2015) Луна сталкивается с неким объектом – нам не сообщают, с каким именно, но это может быть странствующая черная дыра – и разбивается на множество осколков. На Землю обрушивается Каменный Ливень – метеоритный дождь, который уничтожает все живое и продолжается пять тысяч лет. Кажется, что миру действительно пришел конец. И все же Стивенсон придумывает, как развить сюжет. Он описывает, как группки землян покидают планету на космических кораблях или опускаются в подводных лодках на дно океана, а потом повествование резко смещается на пятьдесят веков в будущее, и мы видим, как выжившие начинают заново обустраивать разрушенную Землю. В подобных историях речь тоже идет об апокалипсисе: мир, каким мы его знали, подходит к концу – и тем не менее настает время заняться чем-то другим.

Эти два подхода соответствуют двум типичным реакциям человека на неотвратимость смерти. Некоторые из нас считают, что смерть – это финальная точка, и принимают свою судьбу угрюмо или стоически. Но есть и те, кто верит, что конец будет как бы понарошку – и нам каким-то образом удастся пережить смерть.

В последнее время, например, резко вырос интерес к страхованию от апокалипсиса. Застраховать себя можно практи-

чески от чего угодно, но совсем недавно люди начали массово страховаться на случай конца света¹⁰. Может показаться, что для страховых компаний это беспроблемная ситуация: если конца света не будет, они не должны ничего выплачивать, если же он действительно наступит, выплачивать будет уже некому. Выходит, что такую страховку покупают какие-то безумцы? Не совсем так. В конце концов, вы платите за свое душевное спокойствие. Вся система финансовых компенсаций основана на базовом предположении, что после наступления страхового случая будет возможность провести переговоры и обсудить выплаты. Страховка дает надежду, а это и есть лучшая защита перед лицом смерти¹¹. Кто знает? Возможно, конец света затронет не весь мир, а только его часть? Может быть, те умники, которые ставят на то, что конец света ознаменует собой новое начало, будут правы?

Оказывается, такое отношение к концу света настолько

¹⁰ «Основатель и генеральный директор Ассоциации семейных офисов Анжело Роблес заявляет: „Многие из наших весьма обеспеченных клиентов начинают беспокоиться о конце света. Все больше руководителей и членов нашей ассоциации обсуждают апокалипсис и просчитывают вероятности различных сценариев, чтобы определить, насколько активно им нужно реагировать на это“, – Расс Алан Принс, статья «Богатейшие люди и семейные офисы покупают „страхование от апокалипсиса“». *Russ A. P. Many of the Super-Rich and Family Offices are buying “Apocalypse Insurance” // Forbes. 2017. 26 сентября.*

¹¹ И не только смерти – организаторы Уимблдонского теннисного турнира на протяжении 17 лет платили за страховку на случай отмены мероприятий из-за пандемии и в итоге оказались одними из немногих, кто получил выплату (в их случае она составила внушительный 141 миллион долларов), когда COVID-19 отправил мир в локдаун. – *Прим. ред.*

далеко от безумия, что почти является нормой. В Откровении Иоанна Богослова на Землю одна за другой обрушиваются жуткие катастрофы, многократно уничтожая все живое, а венчает все это описание нового девственного мира и нового рая, где избранные будут удостоены вечного блаженства. То же самое можно сказать и о скандинавском мифе о Рагнарёке, и о триллере «Дитя человеческое» (2006), и о зомби-хорроре «Рассвет мертвецов» (1978) Джорджа Ромера, и о видеоигре Apocalypse¹²

¹² Названия видеоигр в русском издании книги Робертса мы решили давать в оригинальном написании: именно так чаще всего они приводятся в Рунете и литературе. Но, раз уж мы решили сделать здесь примечание, отметим, что Apocalypse – это игра по мотивам одноименного фильма-катастрофы с Брюсом Уиллисом в главной роли. – *Прим. ред.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.